

**Большой выбор новых готовых мужских костюмов и пальто
шитых на заказ у
лучш. портн. Парижа** **ПРОДАЮТСЯ** **ПО ВЕСЬ МА
ДЕШЕВЫМЪ ЦЕНАМЪ**
и не вост. заказчикам. Также принима. заказы на костюмы и пальто
NEUMEISTER, 10 rue de la Condamine, Métro La Fourche.
Воскр. и праздн. дни откр. съ 8 до 12 1/2 ч. дня Tél. Marcadet 25-52.

ФАБЕРЖЕ И КО
ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ,
БРИЛЛИАНТЫ, ЖЕМЧУГЪ
Покупка, продажа,
приемъ на комиссию
28, rue Saulnier, Paris (IX)
Tél.: Provence 43-36
Métro: Cadet
Владѣльцы: Е. ФАБЕРЖЕ, А. Л. ФА-
БЕРЖЕ, ДЖУЛИО ГВЕРРИЕРИ и
А. МАРКЕТТИ.

CHIROMANCIE ASTROLOGIE

Гаданіе на кар-
тахъ, по лині-
ямъ рукъ и по
звѣздамъ (горо-
скопы) на осно-
ваніи окуль-
тныхъ наукъ и
дара нововидѣ-
нія.
M. MARIA ZENI
D-r es sciences occultes
разъясню прошлое, руковожу въ
настоящемъ, предупрегаю въ бу-
дущемъ. 60, Rue Pigale (2me étage)
отъ 4 до 7 кромѣ воскр.

Портной Б. З. Рукинъ
(Раньше: Кіевъ, Николаевская 3).
Доводитъ до свѣдѣнія русской колоніи и особенно Кіевлянъ, которымъ
фирма моя была известна, какъ одна изъ лучшихъ, что мною открытъ
ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ
24, rue du Faubourg Montmartre, Tél. Provence 37-59

АРТИСТЪ-ФОТОГРАФЪ
БОРИСЪ
59 - Rue Saint-Antoine - 59
рекомендуется публикѣ
Нынешнимъ художественнымъ вкусомъ
Онъ
неподражаемъ
Tél.: Arch. 05 10
Золотая медаль
Почетный дипломъ 1924

Поликлиника "Murat"
143, Boulevard Murat, 143
Métro: Porte de St-Cloud
Реорганизована новой дирекціей
Установлены: УЛЬТРА-ФИОЛЕТОВЫЕ ЛУЧНИ (горное солнце)
и ДИАТЕРМИИ (электризация).
Больницы: внутр., дѣтскія, женскія, кожные и мѣчевыхъ путей.
ACCIDENTS DU TRAVAIL
Зубоврачебный кабинетъ Больницы зубовъ и
искусств. зубы: фарфор., золотые, платин., безъ леба
по АМЕРИК. СИСТЕМЪ. Цѣлы вѣзмъ доступныя.
Зубной врачъ тотъ-же. 10-12 и 3-8 ч. праздн. и воскр. 10-12 ч.

Meubles Rustiques
JAFE ОБМѢНЪ, ВОЗВРАТЪ,
ПРИБОРОВЪ, УСЛОВІЯ
ПЛАТЕНКА.
194, av. du Maine. Métro Alésia.

**ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ
ВЪ РОССІЮ**
COMITÉ RUSSE DE SECOURS
33, RUE DE PRONY,
Paris - VII
Métro: Monceau ou Maiesherbes
Трамв. №№ 5, 30 и 31
Часы приема ежен. (не искл. и суб.)
3-7 ч. (кромѣ воскр. и праздн.)

**РУССКАЯ
СРЕДНЯЯ ШКОЛА**
7, Rue du Docteur Blanche, PARIS 16
Téléph. Auteuil 36-29
ПРИЕМЪ ВО ВСѢ КЛАССЫ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

MADAME
Носите новый
**CEINTURE
MAILLOT**
изъ эластичной ткани
M. GLASER
невидимый даже подъ
самымъ легкимъ плать-
емъ онъ придаетъ тон-
кость Вашей фигурѣ,
замѣняетъ корсетъ, скрываетъ полноту
и устраняетъ боли желудка и живота.
Альбомъ CEINTURE-MAILLOT вы
сылается по требованію. Объясненія
и примѣрка прошив. дамами специа-
листками ежедневно, отъ 9 ч. у. до 7 ч. в.
(по воскр. и праздн. отъ 9 до 12 ч. д.)
44, Bd Sébastopol. PARIS
Arcades Ch.-Elysées. n° 9.

L'AGENCE DELAGE
M. LITVACK
23, Bd Richard-Lenoir, Paris
Есть магазинъ: всѣ моде и

СОДЕРЖАНІЕ №

«Разсказъ Петра Петровича».....	И. А. Бунина.	Объявленія принимаются въ Главн. Конторѣ «Иллюстр. Россіи» 34, rue de Moscou и въ Конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и Ко. въ Парижѣ 26, rue Buffault Tél. Trudaine 80-49.
«Собачья исторія», разсказъ.....	В. Лебедева-Кумача.	
«Разстрѣляйте меня» — изъ залы совѣтскаго суда.....	И. Брауде	
«Кровать», очеркъ.....	Георга Хермана	
«Въ совѣтской пивной», «Что нужно, чтобы стать кино- ведетой». «Советскій юморъ», Каррикатуры Mad'a.		
«БУМЕРАНГЪ»		
«Страничка для дѣтей», «Театръ и искусство», «Книжная полка», «Парижскія Моды», Спортъ, «Кино».		

И. А. БУНИНЪ.

**РАЗСКАЗЪ
ПЕТРА ПЕТРОВИЧА**

И. А. БУНИНЪ.
Апрѣль 1927 г.

Нелѣпая, неправдоподобная вѣсть:
Алексѣй Алексѣичъ умеръ! Есть люди,
къ которымъ удивительно не идетъ,
какъ то совершенно не къ лицу смерть.
А ужъ по чего не шла она къ Алексѣю
Алексѣичу!
Всего же нелѣпѣе то, до чего нео-
жиданно, какъ-то ни къ селу ни къ
городу умеръ онъ. Вѣдь еще только
вчера, вѣрнѣе, прошлой ночью, всего
нѣсколько часовъ тому назадъ, онъ
былъ съ нами, сидѣлъ, ужиналъ и,
какъ всегда, говорилъ, говорилъ —
то, что онъ говорилъ повсюду, за
всѣми ужинами.

Помните, что сказалъ онъ вчера,
входя въ столовую?
— Какъ Чацкій, съ корабля на
балъ, — сказалъ онъ, входя въ эту
людную, богатую, свѣтлую столовую.
Онъ сказалъ то, что неизмѣнно
говорилъ, пріѣзжая на вечера къ
знакомымъ. Вчера откуда именно прі-
ѣхалъ онъ? Но, по совѣсти сказать,
развѣ мы знали когда-нибудь, откуда
онъ пріѣзжаетъ? Да и знали-ли мы
вообще болѣе или менѣе точно жизнь
Алексѣя Алексѣича, не смотря на то,
что, кажется, не было человѣка во
всемъ нашемъ петербургскомъ круж-
кѣ, который не былъ бы въ знакомствѣ
или, вѣрнѣе, въ пріятельствѣ съ нимъ?
Знала, можетъ быть, немного больше
прочихъ его старинный другъ княги-
ня. А эти прочіе, то есть мы, грѣшные,
знали только то, что днемъ у Алексѣя
Алексѣича служба, дѣла, дѣловые
завтраки, засѣданія, что по вечерамъ
онъ не пропускаетъ ни одной театраль-
ной премьеры, ни одного порядочнаго
концерта, — музыку онъ действитель-
но любилъ и весьма понималъ, — а
ночью непременно гдѣ-нибудь ужи-
наетъ, — у Куба, на Островахъ, у
знакомыхъ, — такъ что всѣ, бывало,
дивятся на него: и когда только
успѣваетъ онъ спать?
— Какъ Чацкій, съ корабля на
балъ, — сказалъ онъ вчера, входя
въ столовую со своимъ обычнымъ
слегка насмѣшливымъ выраженіемъ
лица.
И, какъ всегда, едва только онъ
показался и сказалъ это, всѣ мы
встрѣтили его хоромъ радостныхъ
восклиданій:

— А! — закричали мы нестройно,
— наконецъ-то!
И, съ безразличной улыбкой пожи-
мая руки, раскланиваясь, онъ про-
шелъ къ своему мѣсту за столомъ,
безразлично поцѣловалъ большую и
жилистую руку своей сосѣдки княги-
ни, засунулъ уголь салфетки за от-
крытый жилетъ, взялся за бутылку
и, какъ всегда, спросилъ:
— А вамъ, княгиня, позволите?
Княгиня отвѣтила:
— Пожалуйста. Только немножко.
И онъ возразилъ опять таки такъ,
какъ всегда возражалъ въ подобныхъ
случаяхъ:
— Э, княгиня, что за счеты. Пить
умереть и не пить умереть. Уподо-
бимся, государыня моя, стрекоду
кузнецу, въ зленемъ злакъ сушу. Въ
мѣру и во благовременіи питіе николи
вредить не можетъ. Лишь бы не
упиваться до отвратности, — сказалъ
онъ, не думая ни единой секунды о
томъ, что говорить. — Лишь бы не
сравняться съ пьяницей богомерз-
кимъ. Ибо что есть пьяница, по ученію
мужей мудрыхъ? Онъ пьяница аки
болванъ, аки мертвецъ валяется, мно-
гожды бо осквернився, мокры и на-
льяся, яко мѣхъ, до горла, не могій
главы своей возвести, смрадомъ от-
рыгая отъ многого локанія.
— Не говорите гадостей, я ѣсть не
могу, — сказала княгиня.
— Какъ, это поученія-то святыхъ
отцовъ гадость? — сказалъ Алексѣй
Алексѣичъ. — А еще въ Лавру,
княгиня, каждый Божій день ѣдите!
— Нѣтъ такихъ поученій, это вы
все сами выдумываете.
— Ничего-то вы, княгиня, не знае-

„Въ Москву, на заработки“...

Рязанские плотники на отхожих промыслах.

Строительные рабочие в ожидании нанятеля на одной из московских площадей.

Весна — пора строительных работ. Съ первыми теплыми днями тысячи каменщиков, плотников и столяров тинутся из деревень на отхожий промысел в большие города, где начинается строительный сезон. Обычно у каждого «цеха» свой излюбленный район в городе, своя площадь, своя чайная, где образовывается своеобразная биржа труда, где царят свои неписанные законы и строго соблюдаемые обычаи. Наш снимок изображает группу таких рабочих в Москве — рязанских плотников на импровизированной бирже труда.

те, даже слушать страшно. Истинно, жена прелестная. А вѣдь что такое жена прелестная?

— Какая еще такая жена?

— А вообще жена. Что есть жена, сирѣчь женщина?

— Охъ, Алексѣй Алексѣичъ, и про жену уже тысячу разъ слышала.

— Слышали, а каждый разъ забываете. Жена, милая княгиня, есть святымъ обложница, змѣино покоище, цвѣтъ дьявола, купница бѣсовская, сковорода подпечаящая. И далѣе: что есть жена? Сѣтъ утворена прельщающаи челоѣвки, свѣтлымъ лицемъ и высокими очима намизающаи, ногами играющаи.

— Боже, какой вздоръ. И что это значить — намизающаи?

— А чортъ его знаетъ, я и самъ не знаю, милая княгиня. Вотъ «ногами играющаи», это я понимаю.

— Перестаньте говорить глупости.

— А это не я говорю, это бѣсъ въ челоѣкъ говоритъ. Ибо что есть

челоѣкъ? Въ челоѣкъ, какъ всѣмъ сіе вѣдомо, есть восемь составовъ...

— И это знаю и не трудитесь пожалуйста перечислять ваши составы.

— Нельзя, милая княгиня, и радъ бы не перечислять, да не могу. Отъ земли у челоѣка тѣло, и тотъ челоѣкъ темень; отъ моря — кровь, и тотъ челоѣкъ прохладенъ; отъ огня жаръ, и тотъ челоѣкъ скупъ...

— И откуда только берется все это у васъ?

— Отъ прилежанія, государыня моя, оно же неистощимый, неупиваемый кладезъ мудрости. Но позвольте еще немножко налить вамъ сего сладкаго зелья и кончить. Отъ солнца у челоѣка очи, и тотъ челоѣкъ боготыревать...

— Ничего не понимаю. Что это значить — боготыревать? Дайте-ка мнѣ лучше спичку.

— А вы думаете, я понимаю? — отвѣтил Алексѣй Алексѣичъ, зажигающая спичку и помогая княгинѣ закуричь. — Отъ вѣтра у челоѣка дыха-

ніе, и тотъ челоѣкъ лепоумень, подобно вашему покорному слугѣ. Отъ облака мысль, и тотъ челоѣкъ похотливъ. И наконецъ: отъ свѣта — свѣтъ, и тотъ челоѣкъ не мыслить земного, а лишь небесная.

— Вы, конечно, отъ облака?

— Сирѣчь, похотливъ? Грѣхъ вамъ, княгиня, говорить такъ, будучи единственной причиной оной похоти. Вы же отлично знаете, что по отношенію ко всѣмъ прочимъ прелестницамъ я мыслю лишь небесная.

Княгиня легонько ударила его по рукамъ. Онъ вынулъ маленькій портсигаръ, плетеный изъ китоваго уса.

— Разрѣшите, разъ ужъ вы сами курите? И куренье, конечно, не благо, милая княгиня, ибо который челоѣкъ начнетъ черзати табакъ, то у того челоѣка мозгъ крутится и вмѣсто того мозга впадаетъ въ главу его смердящая воня. Но что подѣлаешь, государыня моя, не могу отказаться отъ сей богоненавистой и святыми отреченной привычки...

Такъ и въ такомъ родѣ, безъ конца и безъ умолку, говорилъ Алексѣй Алексѣичъ за ужиномъ. А за кофе, которое мы пили съ ликерами въ четвертомъ часу ночи, онъ уже слегка осовѣлъ, сидѣлъ съ вялою усмѣшкой на устахъ и опять приставалъ къ княгинѣ съ тѣмъ, что она уже тысячу разъ слышала и что однако ей ничуть не докучало, хотя она и дѣлала видъ, что сердится.

— Дитя! — говорилъ онъ; — али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя б... ничто же суть, но токмо прелесть и тѣма и пагуба?

— Охъ, боюсь, Алексѣй Алексѣичъ, что хозяйка прикажетъ васъ вывести, — сказала княгиня.

— А за что-же, позвольте спросить, она прикажетъ меня вывести? — слегка жалостно возразилъ Алексѣй Алексѣичъ. — Вѣдь это же прекрасное старинное русское слово, коимъ наши отцы и дѣды не токмо въ самомъ высшемъ свѣтѣ, но даже и при дворѣ не гнушались. Ничего-то вы, княгиня, не знаете, даже страшно. Вѣдь это слово у самого протопопъ Аввакума въ его житіи пишется, а ужъ на что сурьезный былъ мужикъ этотъ протопопъ. Мы, сказано тамъ, мы...

— Довольно, довольно, Алексѣй Алексѣичъ, — сказала княгиня. — Вѣрю и безъ пальнѣйшихъ примѣровъ. И перестаньте пить и ѣдемъ, смотрите, какіе у васъ мѣшки подъ глазами.

— Слушаюсь и повинуюсь, — отвѣтил Алексѣй Алексѣичъ. — Но повинуюсь не мгновенно, а лишь черезъ четверть часа. Ровно черезъ четверть часа, государыня моя. Скоро сказка

Какими были иностранцы когда-то...

(Воспоминанія эмигранта)

Рис. Мад'а для «Ил. Россія»

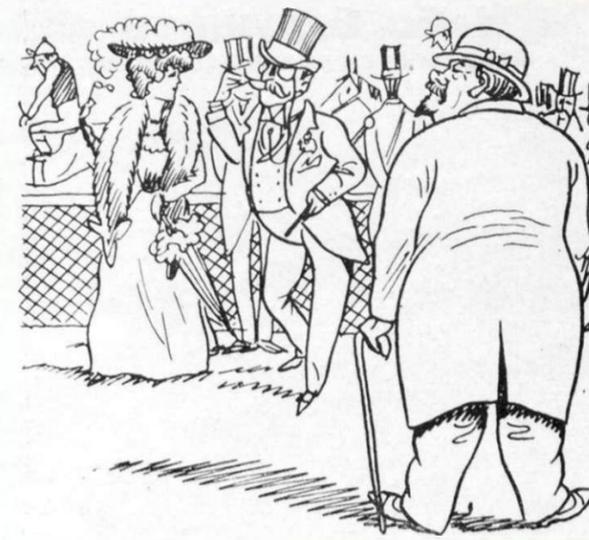
— Какъ привѣтливъ были иностранцы, когда-то!..

— Какъ умѣли веселиться на шикарныхъ балахъ!..

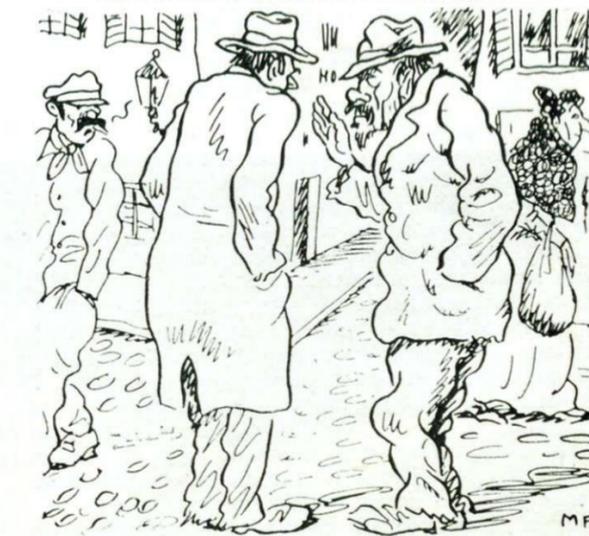
— Какъ все были галантны!..

— Какъ они были эскантны!

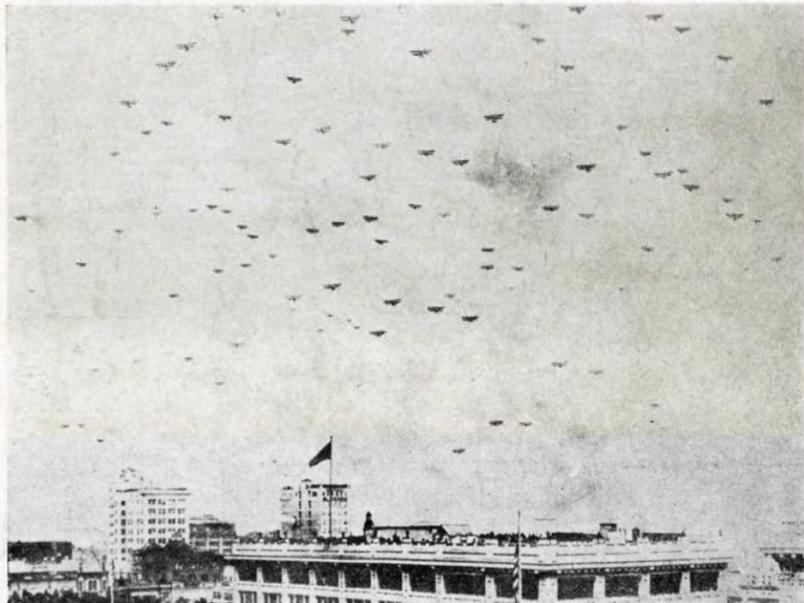

— Какъ очаровательны были иностранки!..

— И какъ они теперь измѣнились!
— Гм... а, можетъ быть, измѣнились мы?!

Небо будущих войн... Маневры американского воздушного флота.

Стая аэропланов во время маневров надь Санъ-Диего.

Америка, которая давно уже стоит на первом мѣстѣ по количеству автомобилей, захватываетъ повидимому, первенство и на воздухѣ. Американскимъ летчикамъ принадлежитъ нѣсколько рекордовъ, не говоря уже о томъ, какъ прославилъ американскую авіацію прошлогодній перелетъ Линдберга. Недавно въ Санъ-Диего состоялись маневры американскаго воздушнаго флота, которые обнаруживаютъ, что американская авіація сильна не только качествомъ, но и количествомъ. Нашъ снимокъ изображаетъ импозантную картину одновременнаго полета многочисленныхъ воздушныхъ эскадръ надъ городомъ — цѣлая стаю гигантскихъ птицъ, исполняющихъ разнообразныя эволюціи по командѣ съ земли. При взглядѣ на эти сотни летающихъ машинъ, легко себѣ представить, чѣмъ можетъ стать для цивилизаціи война будущаго.

сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, поспѣшай, не торопясь, какъ совѣтуетъ Кузьма Прутковъ...

Кончилось тѣмъ, что, по обыкновенію, вернулся домой и заснулъ Алексѣй Алексѣичъ только въ семь часовъ, когда въ его кабинетѣ на Конюшенной уже синѣлъ грязный и скучный утренній сумракъ. А проснулся послѣ полудня, часу во второмъ, и проснулся, по свиѣтельству его слуги, какъ-то внезапно, сразу, раскрывъ глаза съ испугомъ. Нѣкоторое время послѣ этого онъ лежалъ безъ всякаго движенія, глядя въ стѣну передъ собою, потомъ позвонилъ и приказалъ подать себѣ сельтерской воды. А выпивъ воды, попросилъ помочь ему одѣться, а потомъ — позвать извозчика и, когда доложили; что извозчикъ готовъ, вышелъ изъ дому и поѣхалъ къ Потѣхину...

Потѣхинъ! Потѣхинъ-то, конечно, и виноватъ во всемъ. Милые друзья, вы его знаете, — по моему, форменная свинья, а не докторъ, не смотря на всю его извѣстность. Вообще, что

такое эти визиты къ докторамъ, сидѣніе у нихъ въ приемной, ожиданіе ихъ разспросовъ, изслѣдованій, рѣшеній, рецептовъ, совѣтовъ! Какой это вообще ужасъ быть больнымъ! Вотъ человекъ вдругъ почувствовалъ, что дѣло его что-то не ладно, подозрительно... Онъ перемогается, тщится увѣрить себя, что это неладное есть нѣчто случайное, временное, что не стоитъ думать о немъ, не надо поддаваться ему и страху, который внѣдряетъ оно въ душу, а самъ межъ тѣмъ думаетъ все чаще, поддается все больше — и наконецъ не выдерживаетъ, сдается, рѣшаетъ воззвать о помощи къ этому волхву, именуемому докторомъ, и либо съ трепетомъ ждетъ его у себя на дому или томится у него въ приемной... Последнее, по моему, особенно ужасно, имѣетъ въ себѣ даже нѣчто мистическое.

Да, на домъ къ вамъ докторъ пріѣзжаетъ всегда съ большимъ опозданіемъ, а если вы ѣдете къ нему сами, всегда-то онъ какъ нарочно занятъ съ другимъ больнымъ, требующимъ дол-

гаго и серьезнаго осмотра, или гдѣ-то задержался. И вотъ вы сидите въ этой проклятой приемной, въ ея напряженной тишинѣ, гдѣ всякій почему-то боится вздохнуть, а если говорить, то шепотомъ, гдѣ такъ дьявольски медленно, важно, спокойно, дремотно отсчитываютъ время дорогіе мраморные часы на каминѣ, такъ безстрастно блещутъ картины на стѣнахъ и черная рояль у стѣны, возлѣ высокой таинственной двери въ докторское святилище, и такъ безжизненно стоитъ, каменѣть мебель въ чехлахъ вокругъ круглаго стола посреди комнаты. Вы сидите, измученный нетерпѣніемъ, вы ждете, подавленный васъ окружающимъ, ждущимъ молчаніемъ. Вы пытаетесь заняться истрепанными книгами, иллюстрированными журналами и проспектами, картинками санаторій, лежащими на кругломъ столѣ. Вы заставляете себя читать, осторожно перелистывая эти журналы и проспекты, разглядывая отели въ сосновыхъ и снѣжныхъ горахъ, виды ихъ салоновъ, столовыхъ, какихъ-то стеклянныхъ верандъ, уставленныхъ лонгшезами... Но, въ сущности, вы ровнымъ счетомъ ничего не видите и не понимаете, читая, перелистывая и разглядывая: васъ погружаетъ въ трансъ, въ идиотизмъ, въ какое-то

ЕЩЕ ОДНО „ОКО МОСКВЫ“

Агентъ Коминтерна Ричардъ Шуллеръ.

Московский коминтернъ не прекращаетъ постоянныя командировки своихъ агентовъ въ европейскія страны частью для пропаганды, частью для освѣдомленія. На дняхъ въ Парижѣ былъ арестованъ еще одинъ такой агентъ «око Москвы» австріецъ Ричардъ Шуллеръ. Какъ было установлено по его паспорту, онъ передъ пріѣздомъ въ Парижъ, былъ въ Москвѣ. При арестованіи найдено много компрометирующихъ документовъ. Немедленно послѣ ареста Шуллеръ былъ высланъ изъ Франціи.

КИНО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

1. Старостиха Авдотья, — поклонница Дугласа Фербенка. 2. Въ «піонерской ложѣ». 3. «Кимъ и Петро — вожди комсомола». 4. Среднякъ Иванъ. 5. Цѣлительницы кино-искусства... 6. Безпартійные...

«Кино въ деревню» — новый лозунгъ «изъ центра» — и «въ порядкѣ спѣшности» «на агитъ-фронтъ» двинуты тысячи американскихъ и нѣмецкихъ фильмъ самаго буржуазнаго содержания съ поучительно передѣланными надписями: «Вотъ какъ излагается буржуазное общество». Впрочемъ на надписи мало кто обращаетъ вниманіе... Чѣмъ больше «среднякъ Иванъ» будетъ увлекаться акробатическими трюками Фербенка и умиляться красотой голливудскихъ ведетъ, тѣмъ меньше онъ будетъ заниматься политикой. А это сейчасъ самое главное.

Что читают в России?

Общая книга в московской городской библиотеке.

Не раз приходилось уже отмечать, что русская молодежь в сов. России жаждет и много читает. Статистика, которая в таком фаворе у большевиков, установила значительное увеличение посещаемости библиотек за последние годы. Увы, эта же статистика, несмотря на все старания власти, безнадежно открыла, что бесчисленные издания казенных издательств, все эти сотни томов творений «Ильича» и иных отцов коммунизма лежат на библиотечных полках без движения. Молодежь, увлекавшаяся одно время авантюриным романом, требует теперь книжки классиков, технических руководства и, главным образом, историю. Жажда знания сильнее всего... Наш снимок изображает момент обмена книг в одной из московских городских библиотек.

подобие летаргии эта тишина, этот сложный и смутный шум обычной, будничной жизни города, который нить ровно никакого дела до вас, до ваших мук, болѣзней, смертей, которая все течет себя и течет никогда не прерывающимся потоком где-то там, за этими двойными, никогда, вѣрно, не открывающимися окнами... Бѣдный Алексѣй Алексѣичъ тоже, оказывается, должен был пережить не меньше часа подобнаго томления, дожидаясь Потѣхина, который будто бы был вызван куда-то на консультацию, а на самом деле, вѣроятно, дрыхъ послѣ завтрака въ своих дальних, семейных покояхъ.

Пожилая и аккуратная, точно какая-нибудь классная дама, горничная безшумно отворила ему дверь, помогла раздѣться и очень сдержанно сказала: — Пожалуйте обожать въ приемной. Докторъ экстренно вызванъ на консилиумъ...

И Алексѣй Алексѣичъ вошелъ въ пустую приемную и покорно сѣлъ въ кресло возлѣ круглаго стола ждать рѣшения своей участи.

Что онъ чувствовалъ, что онъ думалъ, сидя въ этомъ роковомъ креслѣ?

Конечно, то же самое, что и все мы, грѣшные, чувствуемъ и думаемъ въ подобныхъ случаяхъ. Сидѣлъ, цѣпнѣлъ, тупо глядѣлъ герець собою, задавалъ себя разные глупые вопросы... Вотъ рояль и на ней груды нотъ, — все, что полагается: и Моцартъ, и Бетховенъ, и Глинка... Но когда и кто играет на этой рояли? Очень возможно, что никто и никогда.. Вотъ люстра въ кисейномъ коконѣ, подвѣски которой тихо звенятъ отъ продвигающихся по улицѣ ломовыхъ телегъ, нагруженныхъ чѣмъ-то очень тяжелымъ... Зажигается ли когда-нибудь эта люстра? Бываютъ ли въ этой гостинной обыкновенные, а не больные люди, то есть друзья, знакомые доктора, и вообще живетъ-ли докторъ когда-нибудь не докторской, а своей, личной, простой жизнью? Вотъ огромная картина въ десятипудровой золотой рамѣ, возвышающаяся надъ роялемъ: грозно и великолѣпно синѣетъ дикое ущелье, съ шумомъ клубится, несется лѣнно-зеленый горный потокъ, сумрачно и величаво дымятся облаками скалистыя и снѣжныя вершины горъ... Чья это картина, какъ и зачѣмъ она попала къ доктору, что

общаго у него съ этимъ ущельемъ? Ущелье синѣетъ и синѣетъ, потокъ, нагоняя дремоту, шумитъ и шумитъ — неужели это такъ и будетъ изо дня въ день, изъ году въ годъ, пока будетъ жить и принимать докторъ? Докторъ отдыхаетъ отъ своихъ вѣчныхъ приемовъ и заботъ о чужихъ болѣзняхъ, вѣрно, только въ августѣ... Где же именно? На Кавказѣ, въ Швейцаріи, то есть опять таки где-то тамъ, гдѣ синія ущелья и пѣнно-зеленые потоки? Но на кой чертъ ему они?

И потѣхинская горничная говоритъ, что слышала, какъ Алексѣй Алексѣичъ будто бы вдругъ громко сказалъ: — Намъ, государь мой, уже давно надо вѣнать вѣнчанку вѣнчанкой! — Намъ, государь мой, уже давно надо вѣнать вѣнчанку вѣнчанкой!

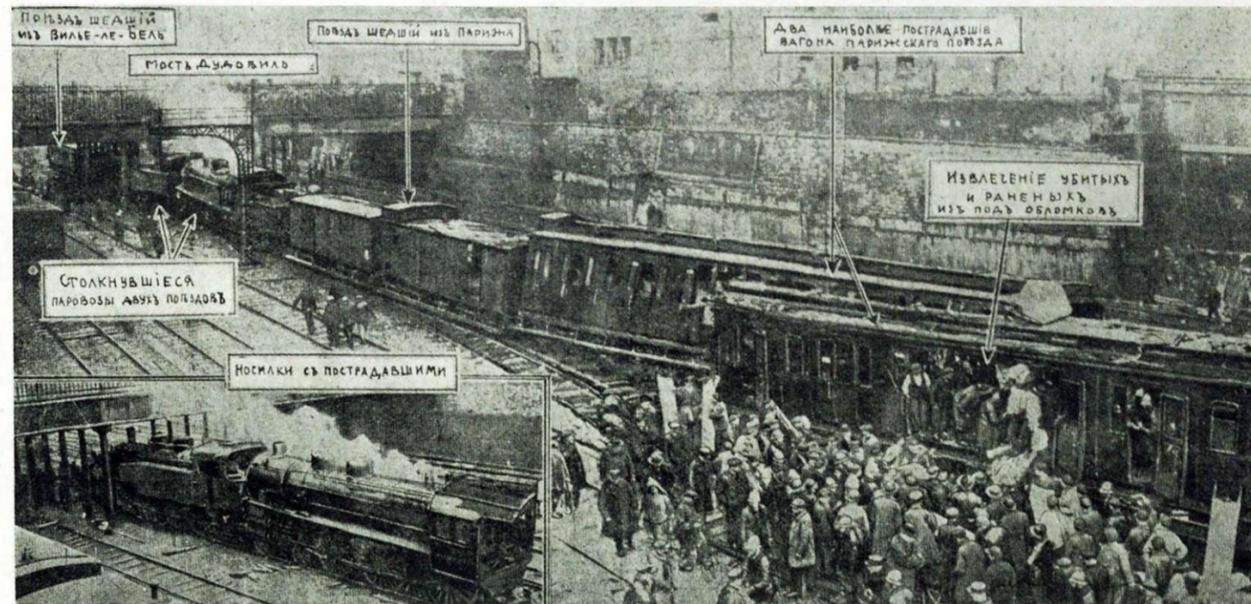
Онъ, конечно, стучалъ пальцами по столу, съ мукой глядѣлъ на часовую стрѣлку, приближавшуюся къ тремъ, иногда нарочно кашлялъ, въ надеждѣ, что въ кабинетѣ что-нибудь скрипнетъ въ отвѣтъ на этотъ кашель, — еъ консультацию онъ ни минуты не вѣрилъ; но высокая дверь кабинета была все такъ же неподвижна и заповѣдна, и, конечно, ему ужъ начинало казаться, что онъ и во вѣки не дожидется той желанной минуты, когда эта дверь внезапно пріоткроется и Потѣхинъ съ нарочитой сухостью и, разумеется, не глядя на пациента, скажетъ: «Пожалуйста!».

Однако дверь эта (и какъ разъ въ ту минуту, когда у Алексѣя Алексѣича лопнуло уже всякое терпѣнье) вдругъ пріотворилась — и судьба Алексѣя Алексѣича была рѣшена...

Потѣхинъ! Боже, какъ смелодушествовалъ Алексѣй Алексѣичъ, допустивъ себя такъ по-дѣтски уѣзрывать въ эту тупицу! Ибо, повторяю, что такое Потѣхинъ? Человѣкъ неуклюжий, сутулый, нарочито грубый; съ грубыми, простонародными чертами лица, съ крупными свинцовыми волосами, съ тяжелымъ и недружелюбнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ; неизмѣнно меллительный и до наглости самоувѣренный, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не могущій взглянуть вамъ въ лицо прямо, то и дѣло густо краснѣющей отъ угрюмой семинарской застѣнчивости... А потомъ эта манера защищать себя отъ своего простого происхождения частымъ и рѣзкимъ упоминаніемъ о немъ, это убѣжденіе, что вслѣдствіи такого происхождения онъ будто бы имѣетъ передъ вами какія-то преимущества, какое-то право на высокомеріе, и это бахвальство, когда разговоръ заходитъ, на примѣръ, о музыкѣ, о стихахъ, о живописи, особенно новой!

— Ну, здѣсь я умываю руки, — грубо говоритъ онъ въ такихъ слу-

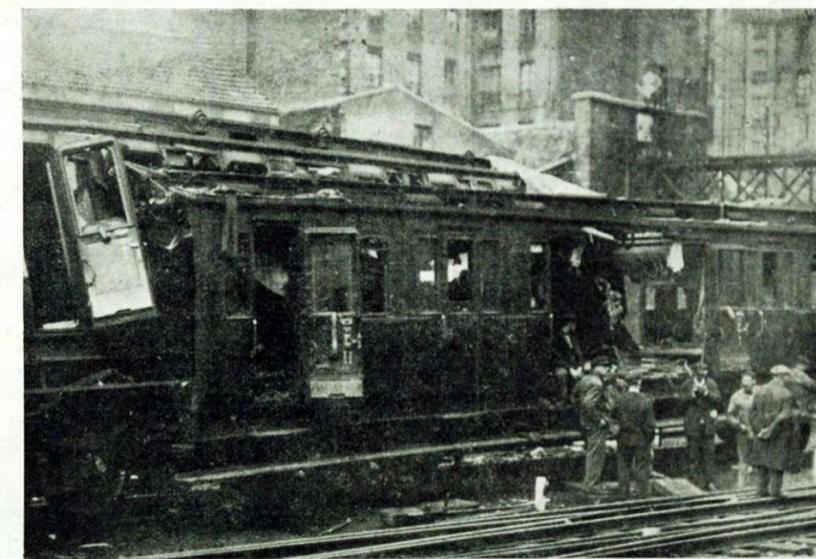
Катастрофа на Gare du Nord.

Общій видъ мѣста катастрофы. Столкнувшіеся паровозы.

На мѣстѣ катастрофы.

12 апрѣля близъ Gare du Nord въ Парижѣ произошла ужасная железнодорожная катастрофа, повлекшая за собой свыше 40 жертвъ, изъ которыхъ больше половины было убито и скончалось отъ ранъ. Два поѣзда, шедшіе одинъ изъ Парижа, а другой въ Парижъ, столкнулись какъ разъ подъ мостомъ Дудовиль. Сила столкновения была такъ велика, что паровозы, врѣзавшись другъ въ друга, поднялись передними колесами на воздухъ и затѣмъ свалились на полотно. Одинъ изъ машинистовъ былъ убитъ, другой тяжело раненъ. Изъ поѣздовъ больше пострадалъ тотъ, который только что отошелъ отъ парижскаго вокзала. Два вагона въ немъ врѣзались одинъ въ другой. Въ нихъ, главнымъ образомъ, и были убиты и ранены. Наши фотографіи изображаютъ мѣсто катастрофы и разбитые паровозы и вагоны непосредственно послѣ столкновения.

Послѣ извлеченія пострадавшихъ изъ разбитыхъ вагоновъ.

чаяхъ. — Я въ этомъ профанъ, ровно ничего не понимаю. По моему, это не картина, а яичница съ лукомъ, не стихи, а рубленная проза, которую съ одинаковымъ удобствомъ можно читать и съ конца. Но что-жъ, вамъ и книги въ руки: весьма охотно допускаю, что это гениально, замѣчательно...

Онъ именно бахвалится, гордится своимъ «непониманіемъ», хотя чѣмъ

туть собственно гордиться?

И вотъ передъ такимъ-то мудрецомъ онъ былъ всю жизнь и который въ этотъ день вдругъ почему-то точно сквозь землю провалился. — Уже давно замѣчаю, что какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ мои, такъ сказать, сердечныя дѣлишки, а вотъ нынче утромъ и совсѣмъ сдrefиль: схватило, понимаете-ли, такъ, что душа въ пятки ушла... Пустяки, конечно, но все же почель за благо

Разговоръ въ кабинетѣ Потѣхина былъ короткій:

— Здравствуйте, Алексѣй Алексѣичъ. Садитесь пожалуйста. На что изволите жаловаться?

— Да какъ вамъ сказать, — началъ Алексѣй Алексѣичъ, тщетно пытаясь

быть тѣмъ самымъ собою, которымъ этотъ день вдругъ почему-то точно сквозь землю провалился. — Уже давно замѣчаю, что какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ мои, такъ сказать, сердечныя дѣлишки, а вотъ нынче утромъ и совсѣмъ сдrefиль: схватило, понимаете-ли, такъ, что душа въ пятки ушла... Пустяки, конечно, но все же почель за благо

